

Взгляд Сун Хуая, подобно острому клинку, безмолвно скользнул по лицу Лянь Цзяшо.

Трудно было представить, что такой взгляд может принадлежать восьмилетнему ребенку.

Обычного мальчишку это наверняка заставило бы отступить, но Лянь Цзяшо не выказал ни тени робости. Прямо встретив взгляд Сун Хуая, он продолжил:

— Отец учил меня, что слова, брошенные на ветер, стоят меньше всего, поэтому я не могу давать вам пустых обещаний.

Сун Хуай заметно опешил от этих слов.

Холодная, отчужденная аура, окутывавшая его, на мгновение замерла, после чего он недоуменно спросил:

— Что ты хочешь этим сказать?

Лянь Цзяшо мягко улыбнулся и, опустив голову, принялся что-то искать у себя в карманах.

Сун Хуай нахмурился:

— Что ты делаешь? Я лишь спросил, готов ли ты поклясться. Ты даже клятвы произнести боишься, и при этом утверждаешь, что хочешь остаться рядом со мной? Думаешь, я не понимаю? Все вы здесь только ради власти и денег семьи Сун, и ты ничем не отличаешься от остальных!

Пока он язвил, Лянь Цзяшо наконец нашел то, что искал.

Он вытащил из карманов конфеты, монеты, какие-то карточки из магазинов и, наконец, ожерелье, выглядевшее весьма дорогостоящим. Собрав всё это в ладонях, он протянул их Сун Хуаю.

Сун Хуай посмотрел на него как на диковинную зверушку:

— И что это?

Лянь Цзяшо моргнул и ответил:

— Это всё самое ценное, что у меня есть. Все карманные деньги, что дал мне отец, мои любимые конфеты, редкая памятная монета, а вот это ожерелье — семейная реликвия, говорят, ему уже несколько сотен лет.

Сказав это, он еще ближе пододвинул руки к Сун Хуаю:

— Забирай.

Сун Хуай молчал.

Наконец, он раздраженно бросил:

— Ты думаешь, мне нужно твое барахло? Зачем мне это?

Лянь Цзяшо нарочито серьезно вытянулся в лице:

— Отец говорил, что словам веры нет. Если хочешь доказать свою преданность, нужно отдать человеку всё, что у тебя есть, все свои козыри. Только так можно показать решимость.

— Здесь всё, что я имею на данный момент. Если этого недостаточно, в следующий раз, когда поеду домой, я принесу еще, — глаза Лянь Цзяшо светились чистотой, в них не было ни капли лукавства. — Лишь бы молодой господин позволил мне остаться.

На этот раз Сун Хуай наконец замолчал.

Вся насмешка и равнодушие исчезли из его взгляда. Он в упор смотрел на Лянь Цзяшо, словно впервые по-настоящему заметил его с момента появления в комнате.

Спустя долгое время он отвернулся, вернулся к столу и снова взял в руки книгу, которую читал до этого.

Лянь Цзяшо не сводил с него глаз, и лишь когда Сун Хуай углубился в чтение и перестал обращать на него внимание, он тихо выдохнул, мысленно похвалив себя.

Судя по реакции Сун Хуая, первый шаг был сделан успешно.

Сун Хуай не умел хвалить людей, и даже если оставался доволен, никогда не показал бы этого. Но раз он перестал допрашивать его с пристрастием — значит, убедить его удалось.

На самом деле, Лянь Цзяшо и сам не ожидал, что всё пройдет так гладко.

Если бы не тот вопрос, ему наверняка пришлось бы еще не раз набить шишек. Для кого-то другого этот вопрос мог стать ловушкой, но для Лянь Цзяшо это был вопрос с очевидным ответом.

Сун Хуай терпеть не мог клятвы и никогда в них не верил — это была базовая черта его характера, прописанная в сценарии.

Всё потому, что в три года родной отец едва не задушил его.

Отец Сун Хуая не жаловал сына — по крайней мере, в начале сюжета всё было именно так. Если бы не вмешательство других членов семьи, Сун Хуай, возможно, давно был бы мертв.

Маленький Сун Хуай вырос замкнутым и чувствительным. Поняв, что отец его ненавидит, он научился быть осторожным и с малых лет постиг искусство чтения по лицам.

Но будучи ребенком, он нуждался в опоре, поэтому перенес всю свою сыновнюю привязанность на дворецкого, который заботился о нем с младенчества.

Однако случилась беда. Когда Сун Хуаю исполнилось шесть лет, этот дворецкий тайно вывез его из поместья и передал врагам семьи Сун.

На самом деле дворецкий годами скрывался в доме, вынашивая план мести, и в итоге выбрал своей мишенью единственного наследника рода.

Тот инцидент закончился тем, что Сун Хуая спасли, а дворецкого казнили.

Хотя мальчик отделался легким испугом, это происшествие навсегда изменило его.

Старый дворецкий был для него ближе и роднее отца, он клялся в вечной верности семье и самому Сун Хуаю, но в итоге именно он стал тем, кто причинил ему боль.

Единственный кровный родственник хотел его убить, единственный наставник, которому он доверял, хотел его уничтожить. Сун Хуай с ранних лет усвоил: кроме него самого, никому нельзя верить.

Именно поэтому он так ненавидел пустые клятвы — он не мог довериться никому.

Зная всё это, Лянь Цзяшо не стал разбрасываться обещаниями.

Он сам когда-то играл роль Сун Хуая и прекрасно понимал: тому не нужны клятвы. Только находясь рядом, совершая поступки, которые Сун Хуай мог видеть своими глазами, можно было заставить его хоть немного ослабить бдительность.

Осознание того, что его не выгонят, наполнило Лянь Цзяшо радостью.

Глядя на выражение лица Сун Хуая, он предположил, что его рейтинг доверия поднялся выше проходного балла. Осмелев, он подошел ближе и вполголоса спросил:

— Молодой господин, что вы читаете?

Сун Хуай проигнорировал его.

Лянь Цзяшо вдруг ощутил странное удовольствие, словно дразнил ребенка. Даже понимая, что перед ним будущий грозный тиран, он не мог воспринимать восьмилетнего мальчика всерьез.

Он осмелел еще больше и сделал два шага вперед, заглядывая в книгу.

Э-э, кажется, это были картинки.

Этот парень читал комикс про зверушек.

Лянь Цзяшо уставился на нарисованного милого щенка, собираясь высказать дежурный комплимент о том, какой умный и эрудированный юный господин, но слова застряли в горле.

В этот момент Сун Хуай поднял голову и заметил, как тот подглядывает.

Лянь Цзяшо: «...»

Помолчав, он с самым невинным видом указал на нарисованного в комиксе заплаканного зайца и сказал:

— Господин, смотрите, правда похож на меня?

Сун Хуай промолчал, но давление в комнате упало до уровня предгрозового шторма.

Две минуты спустя слуга нашел Лянь Цзяшо, которого безжалостно выставили из комнаты.

Слуга не удивился:

— Я же говорил, остаться здесь не так просто. Раз господин не хочет тебя видеть, собирай вещи и уходи.

Лянь Цзяшо улыбнулся и придержал его за рукав:

— Молодой господин уже согласился меня оставить.

Несмотря на то, что после такого «выдворения» у него ныло всё тело, он не придал этому значения и поднялся:

— Мне не нужно уходить.

Слуга явно не поверил. Он смерил Лянь Цзяшо скептическим взглядом, молча толкнул дверь, удостоверился в чем-то внутри и лишь тогда вышел обратно.

Но теперь его взгляд изменился — в нем читалось любопытство вперемешку с недоумением.

Лянь Цзяшо был уверен: Сун Хуай не из тех, кто легко меняет решения.

Вскоре слуга сказал:

— Идем со мной. Я научу тебя кое-чему. Если хочешь здесь остаться, должен знать привычки господина Сун и молодого господина, а также здешние правила.

Весь остаток дня Лянь Цзяшо провел за изучением правил.

Когда он наконец закончил, уже стемнело. Вернувшись в свою комнату, он почувствовал смертельную усталость и тут же провалился в сон.

Только сейчас он осознал, насколько детское тело слабее взрослого.

На следующее утро Лянь Цзяшо официально приступил к обязанностям сопровождающего.

Умывшись и приведя себя в порядок, он первым делом отправился на кухню.

Согласно вчерашним правилам, в будущем ему предстояло сопровождать Сун Хуая в школу, а как самый близкий к нему слуга, он обязан был следить за его питанием и бытом.

Взяв поднос с завтраком, он постучал в дверь комнаты Сун Хуая.

Войдя, Лянь Цзяшо принялся расставлять посуду.

Сун Хуай выглядел так, будто только проснулся — в светлой пижаме, с немного растрепанными волосами. В таком виде черты его лица казались мягче, исчезла вчерашняя агрессия.

Однако стоило ему заметить, что Лянь Цзяшо наблюдает за ним, как его аура тут же ошетижилась, словно включилась система автоматической защиты.

— Ты еще здесь? — холодно спросил Сун Хуай, не поднимая глаз.

Лянь Цзяшо покачал головой:

— Я ведь сказал, что останусь.

Закончив, он не удержался и добавил:

— Вчера тот господин, что показывал мне дорогу, заходил к вам, верно? Вы же сами сказали ему, что позволяете мне остаться. Я стоял прямо за дверью и слышал.

Заметив, как у Сун Хуая потемнел взгляд, Лянь Цзяшо поспешно опустил голову, притворившись простачком.

Конечно, он понимал: такие, как Сун Хуай, больше всего боятся, что их мягкосердечие будет разоблачено. Для человека, который превыше всего ставит гордость и холодную отстраненность, признать свою слабость — величайший позор.

Но человек не может удержаться от того, чтобы не играть с огнем.

Например, узнав вчера, что Сун Хуай любит комиксы, он не мог не задаться вопросом: какие еще тайны скрывает этот человек?

В конце концов, он сам когда-то играл эту роль, и возможность раскопать детали, не прописанные в сценарии, казалась ему невероятно интересной.

Это делало человека перед ним не просто персонажем, а живой личностью.

Лянь Цзяшо продолжил:

— Спасибо, что позволили мне остаться, господин. Вы такой добрый, я обязательно отплачу вам за это.

Ему нравилось говорить вещи, на которые Сун Хуай не знал, как ответить.

Сун Хуай, как и ожидалось, нахмурился и, не найдя слов, рявкнул:

— Вон отсюда!

Лянь Цзяшо с улыбкой вышел.

Через полчаса он снова постучал, забрал пустой поднос и, уходя, оставил на столе еще один комикс:

— Господин, этот тоже очень интересный. Если дочитали вчерашний, попробуйте этот.

Сун Хуай: «...»

Он помрачнел и замахнулся книгой, собираясь запустить ею в Лянь Цзяшо, но тот уже успел выскользнуть за дверь и закрыть её.

В первый раз он позволил в себя попасть, чтобы разыграть драму, но сейчас повторять этот трюк не было смысла.

Успешное внедрение в дом Сун подняло Лянь Цзяшо настроение. Теперь общение с Сун Хуаем стало намного проще.

Самый сложный этап — первое знакомство — был позади. Дальше завоевать доверие будет нетрудно, ведь он знал Сун Хуая так же хорошо, как самого себя.

После завтрака и короткого отдыха пришло время занятий.

С самого рождения Сун Хуай обучался дома у частных учителей.

Этого педагога господин Сун выписал из одного из научно-исследовательских институтов Звездного Альянса. У него был безупречный послужной список, и раньше он обучал только одного Сун Хуая, но теперь к занятиям присоединился и Лянь Цзяшо в качестве его компаньона.

Когда урок начался, Лянь Цзяшо, обхватив внушительную стопку книг, послушно сел рядом с Сун Хуаем.

Сун Хуай с бесстрастным лицом бросил на него предупреждающий взгляд, намекая, что тот нарушает личное пространство.

<http://bllate.org/book/22514/2377522>